

Первый шестидесятник

Василию Аксенову исполняется 70 лет

Новые Известия — 13 авг. — с. 1, 7.

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Новые Известия»,
Париж

— Василий Павлович! Какие чувства вы испытываете в связи с собственным 70-летием, которое наступает 20 августа?

— Я бы не сказал, что чувства вдохновляющие — просто цифра жуткая какая-то... Ну ничего, терпеть еще можно.

— Вы отметите юбилей в Биаррице, куда недавно перебрались на ПМЖ?

— Я буду здесь. Специально устраивать ничего не собираюсь. Если кто-то придет, что-нибудь спонтанное изобразим, но ничего особенного. В принципе я собираюсь во второй половине ноября приехать в Москву, и там, быть может, собрать друзей... Я не хочу превращать это в какое-то общественное событие в том смысле, что сильно его педалировать в личном плане.

— Оглядываясь назад, что было самым важным в вашей жизни?

— Мои книжки, которых я сделал немало. Я все время считаю, сколько написал романов, и точный ответ не получается. Один

ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ КАТАЕВ

Двадцатое августа — не только годовщина трехдневного путча, но и день рождения писателя.

раз выходит больше, другой — меньше. Кажется, 23 романа — это, по-моему, немало.

— А когда вы ощущали себя самым счастливым?

— Пожалуй, в самом начале, потому что со мной тогда произошло что-то невероятное. Когда появились «Коллеги» и «Звездный билет», я долго не верил, что действительно так захожу с ходу в большую литературу, огромным тиражом, становлюсь сразу известным писателем. Но счастье не бывает длительным, устойчивым чувством. Это какое-то мгновение, но во всяком случае в те времена эйфория была основательная. Я как-то потерял несколько почву под ногами, не очень хорошо понимал, что со мной происходит.

— «Коллеги» и «Звездный билет» напечатали в «Юности», которую в ту пору возглавлял Валентин Петрович Катаев?

— В «Юности», которая тогда казалась недостижимой мечтой для молодых авторов, и попасть туда сразу было очень трудно, хотя в журнале и печаталось много всякой белиберды. Когда я читал его, то думал: «Ну я могу луч-

ше!» Я не имел никаких надежд и даже, сказал бы, поползновений там появиться. Но в жизни произошла случайность, за что я благодарю providence. Однажды, будучи совсем еще юнцом лет 24, я встретился в одной московской компании с писателем Владимиром Михайловичем Пomeranceвым — автором знаменитой статьи «О честности в литературе». Она произвела фурор — появилась после сталинской жизни, после теории бесконфликтности. Он был очень серьезный и суровый человек. Оказавшись случайно рядом за тесным столом, мы разговорились. И он меня спросил: «Вы что, пишете? Давайте, притащите мне...» Я ему отнес кучу каких-то рассказов. Он вдруг пришел в энтузиазм и сказал: «Я уже отнес ваши рассказы в «Юность». Он отдал их Мэри Лазаревне Озеровой, которой тоже понравилось, а она — старику Собакину, то есть Валентину Петровичу Катаеву. Тот прочел и зацепился за несколько живописных образов. У меня одно сравнение — дело происходило в Питере — «стоячие воды канала были похожи на запылен-

ную крышку рояля». Эта фраза сделала мне литературную судьбу. Катаев сказал: «Смотрите, как пишет-то!», и решил напечатать. И вот тогда появились первые два рассказа «Факелы и дороги» и «Полторы врачебных единицы». На самом деле это паршивые рассказы, чепуха, они прошли незамеченными. А потом уже появились «Коллеги». И опять-таки Катаев прочел и дал название — у меня было другое, которое я просто не помню, но очень впечатляющее. Он сказал: «А почему бы не назвать «Коллеги»?». Всем понравилось. И он на вечер «Юности» в ресторане «Будапешт», налив себе стакан красного вина, подошел ко мне и сказал: «Старик, я пью за ваш роман!» Я просто обалдел: это, оказывается, роман, а не какая-нибудь повестушка. И там понесло — я взмывал и парил, летал выше поверхности и потом быстро начал частенько падать. Главный успех, конечно, принес «Звездный билет», потому что появился действительно настоящий молодой герой 60-х годов...

(Окончание на стр. 7)